Е.М.ЮХИМЕНКО

СВЕДЕНИЯ О СОЛОВЕЦКИХ ВЫХОДЦАХ В "ИСТОРИИ О ОТЦАХ И СТРАДАЛЬЦАХ СОЛОВЕЦКИХ" СЕМЕНА ДЕНИСОВА

В ранней истории Выговской старообрядческой пустыни важная роль принадлежит соловецким старцам, покинувшим Соловецкий монастырь во время его осады царскими войсками в 1668-1676 гг. Поморье дало выходцам убежище от преследований и стало местом их проповеднической деятельности в защиту древлего благочестия. Благословение соловецких отцов и непосредственное участие некоторых из них в организации пустыни сообщили старообрядческому общежительству на реке Выг авторитет преемственности[1].

Историческая память и осознание духовной связи с первоучителями старообрядчества подвигли выговцев на собирание, а затем и литературную обработку устных свидетельств и рассказов о поборниках старой веры по всей России и особенно в Поморье. На Выгу был создан цикл исторических сочинений, охватывающий события второй половины ХVП - первой половины ХVШ в. Основу цикла составили написанные в 10-30-е гг. ХVШ в. "Виноград Российский" и "История о отцах и страдальцах соловецких" Семена Денисова и "История Выговской пустыни" Ивана Филиппова.

В "Историю о отцах и страдальцах соловецких" (далее: ИС), центральное произведение цикла, вошло изложение истории Соловецкой осады, представляющее, как удалось установить, достаточно достоверную первую литературную фиксацию многочисленных устных преданий. Важная роль в раскрытии общего идейного замысла сочинения, а именно идеи преемственности Выга по отношению к Соловкам в деле защиты старой веры, отводилась рассказам о соловецких выходцах. Эти сведения во всей их полноте и совокупности до сих пор не подвергались анализу, а тем не менее это представ-

ляется необходимым как для выявления источников, так и для соотнесения ИС с другими выговскими сочинениями, посвященными тем же лицам.

Первым в ряду соловецких отцов, которые "не токмо пустыни, дебри и блата, но и окрест прилежащыя грады и веси благочестия светом научивше и просветивше"[2], Семен Денисов называет инока Епифания. Основные вехи жизненного пути Епифания, о которых упоминается в ИС: пребывание на Соловках, пустынножительство на реке Суне, приход в Москву и последовавший затем "добрый путь страдания", многолетнее "томление" вместе с Аввакумом, Лазарем и Федором в земляной тюрьме, "двократное языка резание" и сожжение в срубе - известны также по другим старообрядческим памятникам, к числу которых относятся автобиография самого Епифания, Житие протопопа Аввакума, записки Аввакума о казнях попа Лазаря, Епифания, дьякона Федора и пустозерской ссылке, Житие инока Корнилия в редакции Пахомия. У Семена Денисова рассказ о Епифании распадается на две части, в чем, на наш взгляд, следует видеть проявление определенного авторского замысла.

Основное внимание Семен Денисов уделяет пребыванию Епифания в пустыни на реке Суне, где инок "многи от окрест живущих во благочестии утверди, многи на путь спасения настави" (с.184), в то время как дальнейшие события в его жизни перечислены настолько кратко, что чрезвычайно затруднительно установить конкретный источник сведений, поскольку Семену Денисову, вне всякого сомнения, были известны все названные выше ранние старообрядческие памятники, освещавшие биографию соловецкого инока. Такой избирательный подход к различным отрезкам жизненного пути Епифания мог быть вызван несколькими причинами. Выговскому автору необходимо было подчеркнуть просветительскую деятельность Епифания в Поморье, и он, видимо, не счел для се-

бя обязательным подробно останавливаться на последующих, более известных событиях его жизни. Возможно также еще одно объяснение. Исторические сочинения Семена Денисова - ИС и "Виноград Российский" - были задуманы сразу как единый цикл, посвященный старообрядческому движению второй половины ХУП - начала ХУШ в., поэтому глава о Епифании в "Винограде Российском", в отличие от ИС, почти не содержит никаких сведений о первых этапах жизненного пути соловецкого инока[3], тогда как страдания Епифания за веру описаны здесь подробнейшим образом, что в полной мере соответствует жанровой природе мартиролога, каковым является "Виноград Российский".

Из письменных старообрядческих памятников, на которые мог опираться Семен Денисов при написании посвященной Епифанию части ИС, сведения о пустынножительстве соловецкого инока содержит лишь его автобиография. Действительно, сам Епифаний писал: "...изыдох от святаго монастыря... в дальнюю пустыню на Суну-реку, на Виданьской остров... И тамо обретох старца именем Кирила... И той мя старец принял к себе в пустыню с великою радостию... И бе со старцем в келии, живяше бес, зело лют". И Епифаний "вольяшным медным образом Богородицы" и молитвами этого беса изгнал[4]. Сравн. ИС: "И на Суне-реце преподобному старцу Кирилу, началнику места, споживе, и ис келии вселившияся бесы молитвами отгна" (с.184).

Весьма существенно для анализа ИС то, что в это произведение вошли сведения, отсутствующие в автобиографическом житии Епифания. Они касаются пророчений старца: "некоему зле живущему последнее жития в добром покаянии, другому же злодею - внезапную и горкую смерть предърече. И... Кирилу хотящую быти скорбь, биение и узы и от места избежание предъглагола, яже вся по времени збышася" (с.184-185). Выяснить источник этих

сведений помогает другой памятник выговской литературы - Кирилло-Епифаниевский житийный цикл, в котором сообщаются аналогичные факты. Когда Епифаний узнал о намерении Кирилла создать монастырь в Виданской пустыни, то он ему предрек: "Приидет бо ти время, яко ни слышати о месте сем восхощеши и приимеши многи скорби и напасти и беды и печали"[5]. В доме некоего христолюбца Тимофея Трифонова Епифаний, согласно выговскому житию, предрек старосте Давыду Куричину, что "отныне при конце он благое житие возлюбит и добре в благочестии с покаянием живот свой скончает и ко Господу отидет"[6]; другому же мужу - подьячему с Олонца - старец сказал: "...Смотри, окаянне, покайся, уже тебе конец приближается и смертное посечение близ и толстое твое козиво треснет, уже не узриши дому своего"[7].

Зависимость двух выговских памятников, содержащих идентичные сведения о Епифании Соловецком, устанавливается без особого труда. С одной стороны, выговское житие Епифания со своими многочисленными подробностями и деталями изложения никак не может восходить к чрезвычайно краткому тексту ИС, но с другой - оно написано позднее сочинения Семена Денисова, из которого выговский агиограф заимствует со ссылкой[8] целые фрагменты (например, описание Никоновых "новин" и рассказ о соловецких событиях)[9]. Как убедительно доказала Н.В.Понырко, в основе Кирилло-Епифаниевского житийного цикла, созданного в период 1731-1740 гг., лежат литературно отредактированные первоначальные черновые записки, зафиксировавшие устные сведения о Кирилле, Епифании и Виталии[10]. По всей видимости, этим же источником воспользовался ранее и Семен Денисов.

Следует отметить, что рассказ ИС о Епифании содержит две детали, не встречающиеся в других памятниках, в том числе в выговском житии соловецкого инока. Семен Денисов сообщает о том,

что Епифаний "из киновии Соловецкия... исшед с единым черноризцем" (с.184), в то время как и из автобиографического, и из выговского жития следует, что он ушел с Соловков один[11]. Согласно ИС, сбылось предсказание Епифания Кириллу о предстоящих ему "биении и узах" (с.184), тогда как в выговском житии сообщается лишь об "избежании Кириллове от обители его прешествия ради гонителей"[12], последующем разорении пустыни и переселении Кирилла в Выговскую пустынь. Если в последнем случае и можно объяснить появившееся у Семена Денисова упоминание о "биении и узах" Кирилла как риторический прием, то сообщение о черноризце, который вместе с Епифанием покинул Соловки, может восходить к первоначальным черновым записям, которые, как доказала Н.В.Понырко, в Кирилло-Епифаниевский житийный цикл вошли не полностью[13].

Все три произведения - ИС, "Виноград Российский" и выговское житие Епифания - указывают одну и ту же дату казни пустозерских узников: Великий пяток 7189 (1681) года[14]. В выговском житии Епифания, составители которого заимствовали из "Винограда Российского" целые фрагменты текста, в том числе и с датой кончины пустозерских узников, имеется любопытная ссылка на источник: "Аще и не весма укрепляюся о сем, но обаче полагаю в судбы Божия, понеже не от своего смышления какова показах, но что слышах, то и написах зде. Слышах от многих боголюбивых мужей,беседовавъших о отцех, скончавшихся в Пустозерском городке, како онии скончашеся" (подчеркнуто нами. - Е.Ю.)[15]. Видимо, к этому устному источнику восходит и дата казни Аввакума, Епифания, Лазаря и Федора: несмотря на допущенную ошибку в годе (1681 г. вместо 1682), совершенно точно назван день - Великий пяток. Действительно, казнь состоялась 14 апреля 1682 г.[16], а Пасха в этом году приходилась на 16 апреля[17].

К рассказу о Епифании весьма близко по своему характеру повествование о Савватии Соловецком.

Под соловецкими документами 1666-1667 гг. имеются подписи нескольких лиц по имени Савватий[18], но в "Росписи Соловецкого монастыря чернцам и мирским людем, которые в монастыре к мятежу пущие завотчики", составленной по сказкам старцев, высланных из обители 18 июня 1669 г., среди 102 указанных соловлян нет ни одного по имени Савватий[19]. В этой связи наиболее вероятно предположение о том, что упоминаемый Семеном Денисовым Савватий покинул монастырь в самом начале восстания. Одно из посланий протопопа Аввакума, относящееся к начальному периоду пребывания протопопа в Пустозерске, т.е. к концу 1660-х - началу 1670-х гг.[20], адресовано "отцам в Поморье" Савватию, Евфимию, Тимофею и Авксентию, которые названы "четвероконечной колесницей огненнаго течения"[21]. Возможно, один из адресатов послания и есть соловецкий выходец Савватий, поскольку, как сообщает Семен Денисов, он занимался широкой пропагандой старообрядчества в Поморье и, видимо, постригал в иночество: "по многим пустыням и местом ходя, многия в благочестия законех пребывати утверди, многия иноческому житию наказа" (с.185).

В ИС рассказывается о поведении Савватия на молитве: в своем общении с Богом он не отвлекался ни на что постороннее ("шум и мятеж яковый или говор необычен человеческий" - с.185). Несомненно, эти подробности восходят к устному источнику.

На последнем периоде жизни Савватия - приходе в Москву, подаче челобитной в защиту старых обрядов вместе с Никитой Суздальским ("Пустосвятом") и иноком Сергием, участии в прениях о вере в Грановитой палате в присутствии царской семьи и высших духовных властей - на этих событиях Семен Денисов почти не заостряет читательского внимания, он лишь скупо сообщает о том,

что "в 190(1682)-м годе к Москве шед с Никитою священником и с прочими о благочестии мъного подвизався, ят бысть" (с.185). В то же время в "Винограде Российском" эта часть биографии Савватия описана достаточно подробно[22]. Возможно, выговский автор опирался на сохранившиеся в народной памяти предания о "темничном злострадании" и "конечном главоусечении" Савватия (эта версия излагается и в ИС, и в "Винограде Российском"), тогда как Савва Романов, очевидец и участник событий, сообщает лишь о том, что "Никите священнику главу отсекоша, а отца Сергия в Ярославль заточиша и прочих отцев по различным монастырям разослаша"[23]. Следует отметить, что, по свидетельству Саввы Романова, во время стрелецкого бунта в народе читались "соловецкие тетрати"[24].

В ИС вошел рассказ об Игнатии Соловецком, сыгравшем видную роль в истории поморского старообрядчества второй половины ХУП в. Семен Денисов сообщает, что Игнатий был в Соловецком монастыре дьяконом и екклисиархом, т.е. уставщиком (с.185). Из подписей под соловецкими документами 1666-1667 гг. следует, что в монастыре было два старца по имени Игнатий: один уставщик чернец, другой - дьякон[25]. Эти же источники позволяют сделать вывод о том, что дьякон Игнатий не подписывал Четвертую соловецкую челобитную, составленную в сентябре 1667 г., т.е. в это время его уже не было в монастыре. Этот вывод находит подтверждение в небольшом предисловии к выпискам из Челобитной дьякона Игнатия царю Федору Алексеевичу в сборнике второй половины ХУШ в.: "Сей отец Игнатий вышел из Соловецкаго монастыря в лето 175"[26], т.е. в период с сентября 1666 г. по август 1667 г. Покинув Соловки, Игнатий около 20 лет проповедовал старообрядчество в Поморье, преимущественно в обонежских и каргопольских пределах, а также "Выгорецкия пустыни дебри и блата благочестивыми насади жительми" (с.185-186).

Надо полагать, что при написании ИС Семен Денисов использовал как рассказы самого Игнатия (например, о проречении ему соловецкого юродивого Гурия - с.158)[27], так и воспоминания о нем людей, непосредственно с ним общавшихся, таких, как инок Корнилий[28], Емельян Повенецкий[29], Даниил Викулин[30], Андрей Денисов[31]. К такого рода устным источникам восходят, видимо, сообщения о чрезвычайно похвальном отзыве об Игнатии одного из "новолюбителей" (с.185), о его житии "воздержном и безстрастном" (с.186), о "прозорливом даре" (с.186). Примечательно, что о тех же пророчествах Игнатия Соловецкого, только гораздо более пространно и детально, рассказывается в "Истории Выговской пустыни" Ивана Филиппова[32].

Крайне скупо Семен Денисов говорит о главном подвиге Игнатия - организации Палеостровской "гари" 1687 г., в которой погиб и он сам (с.158, 186). Краткость рассказа ИС не может быть объяснена отсутствием источников, поскольку предания об этом крупнейшем на Севере России самосожжении были хорошо известны в Поморье[33], и тем более на Выгу, тесно связанном с предводителями и участниками двух Палеостровских "гарей"[34]. Основанный на устных источниках рассказ о самосожжении 4 марта 1687 г. (в том числе изложение чуда о отце Игнатии) содержится в "Истории Выговской пустыни"[35]. Вероятно, стремясь соблюсти общую структуру сочинения и пропорциональность его частей, Семен Денисов был вынужден кратко пересказывать бытовавшие на Выгу устные предания о соловецких выходцах, и в частности об Игнатии.

За рассказом об Игнатии Семен Денисов помещает краткое повествование о Германе Соловецком, организаторе второй Палеостровской "гари". Оно также основано на устных источниках.

Сохранившиеся исторические документы позволяют не только установить личность этого соловлянина, но и выяснить его роль

в соловецких событиях. Семен Денисов указывает, что Герман "в Сумстем острозе темничьная узоношения целое летообхождение с блаженным отцем Пиминном претерпев, свобожден бысть" (с.186). Следственное дело о "воровском" письме Ивана Захарьева содержит расспросные речи соловлян, сидевших с ним в Сумском остроге в одной тюрьме, в том числе показания чернецов Пимена и Григория, а также чернеца Германа Коровки[36]. Видимо, этот последний (в росписях тюремных "сидельцев" 1669-1674 гг. значился только один чернец по имени Герман) и был известен на Выгу как Герман Соловецкий.

Соборного старца Германа Коровку вместе с отцом и братом называли в числе "к мятежу пущих завотчиков" многие из тех, кто был выслан из Соловецкого монастыря 18 июня 1669 г.[37] После прихода к власти более умеренной партии 8 сентября 1669 г. из монастыря вместе с бывшим келарем Азарием и служкой Фаддеем Бородиным "с товарищи" (всего 37 человек) был изгнан и Герман Коровка[38]. В Сумской тюрьме Герман просидел до лета 1674 г., причем некоторое время действительно с чернецом Пименом, который пробыл в заключении с 1670 г. по 23 июля 1672 г., т.е. не более полутора лет. После принесенного раскаяния оставшиеся 16 высланных соловлян, в том числе келарь Азарий, "соборный старец Герман", бельцы Фаддей Бородин и Елеазар Алексеев, были разосланы в северные монастыри - Крестный и Николо-Корельский[39]. Видимо, Герману удалось покинуть тот монастырь, куда он был направлен "для истинного уверения"; он поселился в пустыни в Олонецком уезде, где к нему присоединился Василий (позднее в иночестве Варлаам) Быков[40]. К рассказам Варлаама Быкова и восходит довольно подробное повествование об этом периоде жизни Германа в "Истории Выговской пустыни". Иван Филиппов сообщает, что Герман и Василий Быков из Андоморецкой или Водлозерской пустыни перешли

в Выговскую, к Тамбичьозеру, где, поставив келью, "живяху пустынным нужным житием". По доносу пудозерского попа они были схвачены и посланы "за крепким караулом в Новгородский разряд", после допросов отправлены под начал Герман в Хутынский монастырь, Василий Быков - в Антониево-Сийский, откуда они через год сбежали и продолжили совместное скитание по Выговской пустыни[41].

Определенными сведениями об этом периоде жизни Германа Соловецкого, возможно из того же устного источника, располагал и Семен Денисов, поскольку в ИС он замечает, что Герман "в Нове-граде темничным озлоблением томлен и милостию божиею... чюдне избавлен" (с.186). Как и в случае с Игнатием Соловецким, Семен Денисов лишь упоминает о второй, возглавленной Германом Палеостровской "гари" 23 ноября 1688 г., не останавливаясь на подробностях этого события, которые не могли остаться для него неизвестными (см. их фиксацию в "Истории Выговской пустыни").

Согласно старообрядческому преданию, в первой Палеостровской "гари" приняли участие 2700 человек, во второй - 1500. Эти цифры приведены и в ИС (с.158, 168), и в старообрядческом Синодике[42], и у Ивана Филиппова[43]. Сведения документальных источников относительно числа палеостровских "самосожженцев" разноречивы. 2 февраля 1687 г., т.е. за месяц до "гари", митрополит Новгородский и Великолуцкий Корнилий доносил царю, что "в Олонецком уезде в Палеостровском монастыре поселилися жить воры церковные расколники чернец Игнашко да Олонецкого уезда Повенецкого рядку житель Омелка Иванов да Вяжицкого монастыря Толвуйского погоста крестьянин Овдейко Алексеев да и ними мужеска и женска полу с 1200 человек с оружием, с пушкою и с пищалми и с копьи и з бердыши"[44]. В отписке 1700 г. палеостровский игумен Кирилл сообщал, что в 1687 г. "простолюдинов мужска и женска пола з две тысечи человек... згорели все без остатку"[45]. Во вто-

рой "гари", по свидетельству новых палеостровских насельников, пострадало около 500 человек[46]. Мартемьян Никифоров Ивантеев, проживший около 8 месяцев на Выгу, в извете указывал, что "простых малознающих людей в тех в двух скопах пожгли с три тысечи человек"[47]. Инок Евфросин, автор трактата против самосожжений, указывал, что в первой "гари" погибло 2500 человек, во второй более 2000[48]. Эти сведения наиболее близки к цифре, сообщенной Семеном Денисовым, хотя указания других источников также более или менее сравнимы с ИС.

С волной самосожжений, прокатившейся по Поморью в последние два десятилетия XVII в., связана деятельность еще одного соловецкого выходца - Иосифа Сухого.

Отрезок жизни Иосифа, связанный с Соловецким монастырем, освещен в ИС весьма кратко: "доволна лета во обители Соловецте поживый", Иосиф просидел целый год в темнице Сумского острога вместе с отцом Пименом, потом "съвобожден бысть" (с.186). На основании документального материала удается установить, что судьба Иосифа во многом схожа с судьбой Германа Коровки. Иосиф, как и Герман, входил в число единомышленников келаря Азария[49] и вместе с ним был выслан из монастыря 8 сентября 1669 г.[50]; пробыл в заключении в Сумской тюрьме по крайней мере до начала 1674 г.[51]. Входил ли он в число раскаявшихся тюремных "сидельцев" или ему удалось бежать из Сумского острога, как, например, Никите Троетчине и Алексею Петрову[52], неизвестно.

Центральными эпизодами в дальнейшей биографии Иосифа Сухого, ставшего активным проповедником старообрядчества в Поморье, являются его участие в Дорской и организация Пудожской "гари".

Семен Денисов сообщает, что проповедовавший в Каргопольских пределах Иосиф "в пустыни Дорстей во время гонения, собрався со множеством народа на скончание, коварством воинов жив ух-

ващен и во град Каргополь свезен, многая томления, узы, темницы и раны за непристатие к новинам претерпе. И от всех сих благодатию божиею избавлен бысть" (с.186).

Совпадающий в основных чертах с версией Семена Денисова рассказ об Иосифе Сухом в "Истории Выговской пустыни" более пространен и насыщен подробностями. Согласно Ивану Филиппову, Иосиф присоединился к собранию Андроника Нижегородского (впоследствие названного Дорским; ему посвящена одна из глав "Винограда Российского"); Игнатий Соловецкий, знавший Иосифа, написал ему. "писмо своеручное... не веляше ему в том собрании бнти и глагола: "Не на ползу ти будет, отче""[53]. Но Иосиф не послушался совета Игнатия."Запор" в Дорах продолжался около полугода. Когда же присланная воинская команда приступила к часовне, то затворившиеся в ней старообрядцы зажглись. Однако стрельцам удалось предотвратить самосожжение, большая часть людей осталась в живых. Подробное описание этой Дорской "гари", безусловно опирающееся на свидетельства очевидцев, вошло в "Историю Выговской пустыни" Ивана Филиппова[54] и "Отразительное писание" Евфросина[55]. Обнаруженный в фонде Новгородского приказа комплекс документов о Дорских "гарях" 1683-1684 гг.[56] позволяет подтвердить точность старообрядческих преданий об этом событии.

По новонайденным документальным материалам прослеживается и дальнейшая судьба Иосифа Сухого. 16 февраля 1684 г., четыре дня спустя после неудачной попытки самосожжения, спасенные из огня старообрядцы (90 человек) были отправлены для следствия в Холмогоры[57], "а для сыску оставлено в Каргополе 4 человека", среди которых был и соловецкий старец Иосиф[58]. 3 марта 1684 г. они были переданы "с роспискою" духовным властям[59]. 22 марта того же года новгородский митрополит Корнилий сообщал в Москву: "А досталных де расколников, которые были у него, Федосея (проводив-

ший розыск в Дорах подполковник московских стрельцов Федосей Козин. - Е.Ю.), в Каргополе для розыску, старца Иосифа да белцов Антошку Евтифеева, Коземку Иванова, старицу Ираиду, вдову Степанидку Иванову дочь отдал он ему, священнику Никите, да каргополскому поповскому старосте, и те де расколщики старец Иосиф с товарыщи святей церкви принесли повиновение и впредь обещались расколу не чинить, и для подлинного свидетелства и исправления в вере розосланы оне под началы: старец Иосиф в Спаской монастырь в Строкину пустыню и отдан черному священнику Ипатию..."[60]. В Москве по отписке новгородского митрополита было принято решение: "буде тот старец с товарыщи и старица непущие были в том расколе и в воровстве завотчики и повиновение ныне они церкви божии принесли истино, а не ложно, и их ис-под начала свободить на поруки"[61].

В этой связи следует обратить внимание на различия в рассказах Семена Денисова и Ивана Филиппова о данном эпизоде. Выговский историк не скрывает того, что не располагает точными сведениями: был ли Иосиф выкуплен, отпущен или убежал и откуда - с Холмогор или из Каргополя, - хотя допускает возможность отказа соловецкого старца от старой веры[62]. Семен Денисов, напротив, говорит определенно, что Иосиф принял страдания за веру ("узы, темницы и раны") и "благодатию божиею избавлен бысть" (с.186). В то же время в ИС содержится точное указание на то, что Иосиф был отвезен в Каргополь, а не на Холмогоры.

Продолжая проповедь древлего благочестия в обонежских пределах, Иосиф организовал другую "гарь": "в лето 7200 (1692) в Пудожстей волости, со множеством народа собрався от наезда воинскаго, сам убо от воинов, обличающь новины, их пулею устрелен... Прочии же огнем скончашася, числом суще яко тысяща двесте душ" (с.186). Семен Денисов излагает в ИС те же сведения

устного характера, которыми воспользовался и Иван Филиппов, пересказавший их более подробно. Сравн. вошедший в "Историю Выговской пустыни" рассказ о гибели Иосифа: "Отец же Иосиф, вышед на хоромы на кровлю, на руках имущи образ Спасителев, нача с ними (гонителями. - Е.Ю.) о вере стязатися и стязашася весь день близ вечера... Они же не могоша против стояти и терпети обличения Иосифова, стрелиша по нему из мушкетов и убиша его"[63]. В отличие от Семена Денисова Иван Филиппов датирует Пудожскую "гарь" 12 августа 1693 г. (что подтверждается документально) и сообщает лишь приблизительную цифру погибших ("числом к другой тысящи несколько")[64]. Описание Пудожской "гари", вошедшее в официальные документы, содержит намек на перестрелку между старообрядцами и посланной для их поимки воинской командой,[65] поэтому у нас нет пока оснований усомниться в правдоподобии выговской версии гибели Иосифа Сухого. Близки к истине и указания выговских авторов на количество участников "гари" - около тысячи человек[66].

Трудно назвать причины, побудившие Семена Денисова умолчать о дальнейшей судьбе неоднократно им упоминавшегося "достославного" соловецкого старца Пимена (см.: с.164-165, 186), возглавившего самосожжение более тысячи человек в Березовом наволоке в августе 1687 г. Старообрядческие предания об этом соловецком выходце подробно изложены Иваном Филипповым[67].

После повествования об организаторах крупнейших поморских самосожжений 80-х - начала 90-х гг. ХУП в. Игнатии, Германе и Иосифе Семен Денисов помещает рассказы о соловецких выходцах, прославившихся своим богоугодным житием.

Таков Евфимий, сведения о котором вошли также в другое выговское сочинение - "Житие Иоанна Филипповича", написанное во второй половине ХУШ в. Рассказы о Евфимии в ИС и "Житии" вполне

3-113

самостоятельны и независимы друг от друга, но обе эти версии имеют точки пересечения между собой.

Семен Денисов лишь упоминает о том, что богоизбранность Евфимия была явлена уже "зачатием и рождением чудным" (с.186). В "Житии Иоанна Филипповича" рассказ о жизни Евфимия вплоть до конца 70-х гг. ХУП в. вложен в уста самого Евфимия, который, в частности, говорит о себе ("старец Евфимий о себе тайну открывает"), что "еще во утробе матерни бывши в собрании церковнем во время божественныя литургии херувимской песни три краты сотвори молитву Исусову... во ус(лыш)ании всем предст(оящим)"[68].

В ИС сообщается, что Евфимий в 12 лет постригся и "довольно во инех монастырех обучился, таже в Соловецтей киновии многа лета богоугодным житием препроводи" (с.186). Версия "Жития Иоанна Филипповича" выглядит несколько по-другому: Евфимий, уйдя из дому, вместе со своим старшим братом поселился в пустыни "в поморской стране на некоем пустом острове", через некоторое время ему было видение идти в Соловецкий монастырь, что он и сделал, но на Соловках ему пришлось пробыть недолго ("бывши тамо немногое время")[69].

Оба рассказа полностью совпадают в сообщении о времени выхода Евфимия из Соловецкой обители. ИС: "во время обстояния, со инеми отцы на брег моря изшед" (с.186-187). Сравн. "Житие Иоанна Филипповича": "...вскоре по моем пришествии и онамо жительствующии вси учинились под принуждением новопроизникшаго (предания)... На что они при общем своем собрании и учиниша такий тогда совет, что как кто изволит: или тут во обители в неприятии новостей страдать до смерти, или вытти в пустынная места"[70].

В "Житии Иоанна Филипповича" подробно рассказывается о судьбе Евфимия после выхода из монастыря: после 1676 г. он был пойман в пустыни, "свезен под крепким караулом в Москву", после

различных мучений "сослан бысть в Новъград" и опять "при жестоком истязании мучим", затем сослан "в ссылку во Олонецкой уезд в Шуйских погостах в монастырь", откуда вскоре "от некоих боголюбцев искуплен" и вновь продолжил скитания по пустыням[71].

Этот период жизни Евфимия остался, видимо, неизвестным Семену Денисову, поскольку в ИС рассказано лишь о том, что по выходе из Соловков "первее в Помории пустыню житием испытав, таже в Олонецтем уезде на острове Виданския волости по откровению божию... осмолетнее время препроводи" (с.187). Автор ИС в отличие от позднейшего выговского агиографа особо подчеркивает подвиги пустынного жития Евфимия: сухоядение, неношение теплой одежды, за что "и благодать от Бога провидети предбудущая приим: о наводнении реки и о нанесении леда великаго на Виданскую волость предрече" (с.187). В "Житии Иоанна Филипповича" это пророчество не связано с конкретным местом, но изобилующий подробностями рассказ о данном проречении[72] позволяет предположить, что в основе обеих версий лежит конкретный факт предсказания Евфимием наводнения реки. Скупые сведения ИС о том, что Евфимий "многим напред хотящая быти предрече" (с.187), также подтверждаются изложенной в "Житии" историей пророчества будущего Ивану Филиппову[73]. К этому же периоду Семен Денисов относит двукратное заточение Евфимия в темницу и его освобождение[74].

Се..эн Денисов, видимо, не знал (или не счел нужным изложить) обстоятельств кончины соловецкого инока, о которой в ИС сказано весьма кратко: "таковым доброжитием пребыв время доволно, преставися ко Господу" (с.187). I "Житии Иоанна Филипповича" преставлению Евфимия посвящена целая глава, повествующая о том, как находившегося при смерти осл..пшего Евфимия хотел причастить никонианский поп, но старец воспротивился и в древлем благочес-

тии, "страдалчески соверши подвиг", скончался[75].

В оба рассматриваемых памятника вошел рассказ об обретении через 8 лет после смерти нетленных мощей Евфимия:

ИС	"Житие"
По осмолетии же преставления его гробокопатели, по случаю гроб его окопавъше, честное тело его и ризы, в нихже положися, и гроб, вся цела и нетленна, яко нова, обретоша (с.187).	Случися же на оном месте чрез осмь лет для другаго мертвеца копать яму, и разрывше гроб, в немже опочиваше блаженный Евфимий, дерзнуша же оной и роскрыть и видяще его ничем нетленна и со одеждами, в коих бе бысть погребен[76].

Отсутствие текстуальной связи между приведенными отрывками позволяет говорить лишь об общем устном источнике этих рассказов. Несмотря на то, что повествование о жизни Евфимия (за исключением рассказа об обретении мощей) в ИС и "Житии" опиралось на разные устные источники (Семен Денисов описывал жизнь Евфимия в Виданской волости со слов самого старца - "яко сам поведа"; позднейший выговский агиограф опирался, скорее всего, на воспоминания Ивана Филиппова, в доме которого Евфимий жил некоторое время и с которым много беседовал), основные эпизоды биографии соловецкого выходца Евфимия нашли отражение и в том, и в другом произведении.

Отсутствие в известных в настоящее время документах и старообрядческих литературных памятниках сведений о соловецких выходцах священноиноке Павле, дьяконе Серапионе и служке Логгине не позволяет проанализировать посвященное им повествование, вошедшее в текст ИС. Следует лишь отметить, что эти "преподобнии и знаменоносниии" отцы прославились своим подвигом пустынножительства, безмолвным и "аггельским живуще житием" сначала на Соловецких островах, затем на острове Великий, близ Ковды (с.187). Семен Денисов, видимо, опирался на рассказы окрестных жителей,

а также ковдинских рыбаков, беседовавших с отцом Павлом на острове Великий[77].

Судьба соловецкого старца Геннадия Качалова нашла отражение как в документальных материалах, так и в ряде литературных сочинений, что дает возможность выяснить источники и определить полноту сведений о Геннадии Качалове, вошедших в ИС.

О соловецком периоде жизни Геннадия Качалова Семен Денисов сообщает лишь то, что он входил в число соборных старцев (с.188). Из документов же следует, что этот период был для Геннадия Качалова далеко не безмятежным. Он принимал активное участие в возбуждении соловецкой братии против архимандрита Варфоломея. В 1666 г. была написана челобитная с обвинением архимандрита Варфоломея "во всяком монастырском безчинстве, а складывали де тое челобитную, - показывал черный дьякон Тихон, - соборные старцы Генадей Качалов, Ефрем Каргополец, Александр Стукалов, Иона Брызгалов", Герасим Фирсов и другие[78]. Архимандрит Варфоломей в это время был в Москве, и келарь Савватий Обрютин "за то велел посадить в тюрму соборных старцов Ефрема Каргополца да Генадья Качалова, Александра Стукалова, и сидели с неделю"[79]. Архимандрит Варфоломей на своих противников бил челом царю[80]. "Для сыску" по этому делу на Соловки в начале 1667 г. был направлен стольник А.С.Хитрово, который заключил в Сумской острог "главных заводчиков", в том числе и Геннадия Качалова[81], посланного к тому времени приказным старцем в Суму[82]. Покинув Сумской острог в июле 1668 г., А.С.Хитрово повез в Москву и "колодников"[83].

В общих чертах эти события изложены в более позднем выговском сочинении под названием "Краткое сказание о ревности и подвизех духовных преподобнаго отца Генадия, жившаго при речке, зовомей Немена"[84]. Согласно этому произведению, дальнейшая судь-

г. Геннадия Качалова выглядит следующим образом: он был заточен в Ново-Спасский монастырь в Москве, откуда "ангела божия наставлением в видении... изведен бысть", поселился в пустыни близ реки Тихвины (после 1676 г.), где был пойман, отвезен в Новгород, затем "оземствован" в Духов монастырь под Новгородом. В заточении Геннадий провел три года, оказался на свободе благодаря "ползодателной козни" своего единомышленника Агапия Болотникова, который и переправил соловецкого старца в Выговскую пустынь[85].

В ИС события жизни Геннадия Качалова до прихода на Выг изложены иначе: "Сей многия грады и пустыни обшед и в Нижнем Новеграде пойман, нужду уз, темницы и ран терпя, аггельским явлением чюдне свобожден бысть. Таже на Тихвине, 12 лет в пустыни пожив, образ спасения и древлецерковнаго благочестия многим показа" (с.188).

На Выгу Геннадий жил сначала в келье Кирилла Сунского "близ Огорелыши", затем перешел на речку Рязанку в келью Емельяна Повенецкого и в конце концов поселился "близ Немены в месте, именуемом ныне Бор"[86].

Геннадий Качалов, как пишет Семен Денисов, был отмечен особым даром слезоточения на молитве: "никоего же пения без слез препровождаше... яко многажды в забытие прихождаше от многаго хлипания" (с.188). Это устное предание нашло отражение и в других выговских литературных памятниках, например в "Кратком сказании": "елико от старости деля, толико и повсечастного плача ради лишистася очи его света"[87]. Наиболее близко к ИС сообщение "Истории Выговской пустыни": "Муж благ таков бяше отец Генадий, яко аще на молении стояше, всю землю слезами омакаше. Таков сей дар даде ему Бог, яко всегда плакати или на молении, или книгу читая, или кого людей поучаше, всегда плакаше, слезы от очию

его, аки река, исхождаше"[88].

О чудесном преставлении Геннадия Качалова сообщает не только ИС ("не возлег на одре, ниже простерся, но седя и молитвенное правило Богу возсылая, душу Богу предаде" - с.188), но и "Краткое сказание", содержащее рассказ о том, как вдова Мария, "во внутреннюю келию вшедши, обрете старца ко святым образом лицем седяша, светла же видением, правую руку имуща на крестное знаменование сложену двема персты, левою же рукою четки держащи"[89].

Геннадию Качалову как одному из первых выговских жителей (умер в декабре 1696 г.) был посвящен целый ряд сочинений: уже упоминавшееся "Краткое сказание о ревности и подвизех духовных преподобнаго отца Генадия"[90], содержащее исключительные подробности о жизни соловецкого старца, почерпнутые автором из рассказов "прежде бывших зде древних обитателей"; "Повесть о иноке Генадии Качалове", представляющая собой переделку, главным образом сокращение, "Краткого сказания", предпринятую по случаю моления на могиле старца[91], а также две службы[92]. Сведения об этом соловецком выходце вошли также в "Историю Выговской пустыни" Ивана Филиппова[93].

В сравнении с названными литературными памятниками, опирающимися, как и ИС, на устные предания о Геннадии Качалове, бытовавшие в старообрядческой среде, особенность подхода Семена Денисова к изложению биографии соловецкого инока очевидна: если автор ИС и умалчивает об участии Геннадия Качалова в соловецких событиях и, видимо, не вполне точен в рассказе о дальнейшей судьбе старца, то повествование о жизни Геннадия на Выгу более пространно и содержит такие детали, которые могли быть известны лишь людям, близко его знавшим.

Анализ вошедших в ИС рассказов о соловецких выходцах позво-

ляет отметить ряд особенностей творческого замысла автора и его подхода к источникам.

Не вызывает сомнения, что Семен Денисов, излагая историю соловлян, проповедовавших древлее благочестие в Поморье, опирался исключительно на устные источники, которые затем и в большинстве случаев гораздо полнее использовали и другие выговские книжники, в частности Иван Филиппов, авторы Кирилло-Епифаниевского житийного цикла и "Краткого сказания... о отце Генадии".

Вошедшие в ИС рассказы о соловецких выходцах отличаются краткостью. Прежде всего в этом сказалось соблюдение автором предписываемой канонами выговской литературной школы строгой соразмерности частей произведения. Семену Денисову приходилось сознательно идти на краткий пересказ известных ему легенд и преданий: "И о оставших убо и (о) оземствованих отцех толико, елико от соживущих им слышавше, не вся, но отчасти (из) знаменитых, слова долготы убегающе, написахом" (с.189).

Поскольку Семену Денисову приходилось сокращать, а следовательно выбирать сведения из имевшихся в его распоряжении устных источников, то в повествовании о соловецких выходцах должны были отразиться принципы этого отбора.

Прежде всего следует отметить фрагментарность данных рассказов. В ряде случаев выговский автор отказывается от подробного описания основных подвигов своих героев, тех подвигов, которые прославили их в старообрядческом мире и не могли остаться неизвестными Семену Денисову. Чрезвычайно краткое упоминание о главных событиях в жизни Епифания и Савватия заставляет предположить, что уже при написании ИС Семеном Денисовым вынашивался замысел создания более обширного исторического сочинения, посвященного старообрядческому движению второй половины ХУП - начала ХУШ в. Весьма немногословны и рассказы о поморских "гарях",

организованных соловецкими старцами Игнатием, Германом и Иосифом, что может быть объяснено тем, что проповедь самосожжения не пользовалась популярностью у выговских наставников первой трети XVIII в., направлявших все свои усилия на упрочение и дальнейшее процветание Выговской пустыни как старообрядческого экономического, культурного и религиозного центра.

При определенной схематичности и краткости (в смысле фиксации биографических сведений) рассматриваемых рассказов почти в каждый из них Семен Денисов вводит эпизоды, свидетельствующие о богоугодном и добродетельном житии соловецких старцев, описывает их пустынножительство и проповедничество, "житие воздержное и безстрастное", за что они были награждены даром проповедничества и посмертными знамениями. Эта особенность связана, на наш взгляд, с дидактической направленностью ИС, стремлением автора представить образцы для подражания выговцам, которые в новых исторических условиях свою преданность заветам отцов могли доказать уже не страданием за веру, а своим богоугодным и добродетельным житием. В заключительном панегирике соловецким отцам Семен Денисов призывает своих читателей и слушателей: "Подражаим мироотвержения очищенное, иночества благообученое, общежительства благолепное, благочиние благолюбезное изрядъство. Наконец, и веры, и жития, и благоговеинства онех всеусердни ревнители будем" (с.191).

При анализе вошедших в ИС сведений о соловецких выходцах следует учитывать и некоторые особенности имевшихся в распоряжении Семена Денисова устных источников. Возможно, ему к моменту написания ИС была известна лишь часть преданий и легенд, которые во всей полноте отложились в более поздних выговских литературных памятниках. В таком случае находит свое объяснение ряд несовпадений в изложении событий в ИС и других выговских

сочинениях о соловецких выходцах.

В то же время в повествование Семена Денисова было включено описание отдельных черт реального облика и поведения некоторых соловецких старцев, в частности Савватия, Евфимия, Павла, Серапиона, Логгина, Геннадия Качалова. Эти подробности, очевидно, восходят к рассказам людей, близко знавших соловецких выходцев или бывших их келейниками ("соживущих им", как замечает сам Семен Денисов). Для авторов других выговских сочинений, более поздних по своему происхождению, эти черты жизни соловецких выходцев уже не представляли такого исключительного интереса. Таким образом, можно предположить, что ИС представляет собой наиболее раннюю литературную фиксацию устных преданий и рассказов о соловецких старцах, после разгрома монастыря проповедовавших древлее благочестие в Поморье.

Примечания

I. Подробнее см.: Юхименко Е.М. Соловки и Выг: связь и преемственность // Россия ХУП-XIX вв.: Материалы и исследования /Труды ГИМ (в печати).

2. Повесть об осаде Соловецкого монастыря // ПЛДР. ХУП в. Кн. I. М., 1988. С. 184. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте после цитаты.

3. В "Винограде Российском" Семен Денисов сообщает, что Епифаний после 50-летнего пребывания в Соловецкой киновии "из обители исходит и, по многим пустыням ходя, наконец царствующаго Россиею града достизает" (Денисов С. Виноград Российский. М., 1906. Л. 31 об.).

4. Пустозерский сборник. Автографы сочинений Аввакума и Епифания. Л., 1975. С.82-84.

5. РГБ. Ф.98 (Егоров). № 1137. Л.369. См. также: л.320 об.

6. Там же. Л. 370.

7. Там же. Л. 370 об. - 37I.

8. Обширное цитирование ИС в одном месте Жития сопровождается прямой ссылкой: "Сие все оставляю повествовати Соловецкой истории" (Там же. Л.359).

9. См.: там же. Л.357 об.-359 об., 83 об.-85, 372 об.-374.

I0. Понырко Н.В. Кирилло-Епифаниевский житийный цикл и житийная традиция в выговской старообрядческой литературе // ТОДРЛ. Л., I974. Т.29. С.I54-I69.

II. См.: Пустозерский сборник... С.82; РГБ. Ф.98.№ II37. Л.359 об.

I2. РГБ. Ф. 98. № II37. Л.333-334 об.

I3. Понырко Н.В. Кирилло-Епифаниевский житийный цикл... С.I66.

I4. См.: ИС. С.I85; Денисов С. Виноград Российский. Л.33 об.; РГБ. Ф.98. № II37. Л.379 об.

I5. РГБ. Ф.98. № II37. Л.379 об.-380. Подчеркнутые нами слова были добавлены Иваном Филипповым при окончательной обработке текста (см. черной список: БАН. Друж. 999. Л.I09 об.). В выговском житии рассказ о кончине Епифания насыщен такими подробностями, которые в сочинение Семена Денисова не вошли (см.: РГБ. Ф.98. № II37. Л.380-380 об.).

I6. Малышев В.И. Материалы к "Летописи жизни протопопа Аввакума" // Древнерусская книжность. По материалам Пушкинского Дома. Л., I985. С. 320.

I7. Туркестанов Н. Сокращенный словарь на тысячу лет (900-I900). СПб., I868. С.87.

I8. Материалы для истории раскола за первое время его существования / Под ред. Н.И.Субботина. М., I878. Т.3. С.I54 (сказка 6 октября I666 г., подпись чернеца Савватия), I62

(Вторая челобитная, подписи двух чернецов по имени Савватий и будильника чернеца Савватия), 2II (Четвертая челобитная, подписи двух чернецов по имени Савватий).

I9. См.: РГАДА. Ф.I25. Оп.I. I669 г. № 5. Л.I8-20.

20. ПДДР. ХУП в. Кн.I. М., I988. С.692.

2I. Там же. С.562.

22. См.: Денисов С. Виноград Российский. Л.42 об.-43 об.

23. Три челобитные справщика Савватия, Саввы Романова и монахов Соловецкого монастыря. СПб., I862. С.I42.

24. Там же. С.I36.

25. См. подписи их обоих под Первой соловецкой челобитной I4 февраля I666 г. (Материалы... Т.3. С.45-46), подпись чернеца Савватия под Сказкой 6 октября I666 г. (Там же. С.I54) и под Четвертой челобитной (Там же. С.2II). Другие выговские источник называют Игнатия дьяконом (Филиппов И. История Выговской старообрядческой пустыни. СПб., I862. С.8I).

26. БАН. Друж. 605(64I). Л.5.

27. Иван Филиппов прямо указывал, что о Гурии Игнатий рассказывал Даниилу Викулину и Андрею Денисову (Филиппов И. История... С.82).

28. Брещинский Д.Н. Житие Корнилия Выговского Пахомиевской редакции (тексты) // Древнерусская книжность: По материалам Пушкинского Дома. Л., I985. С.90.

29. Филиппов И. История... С.37, 43.

30. Там же. С.27.

3I. ГИМ. Увар. 344/527. Л.I5 об.-I6 об. (Житие Андрея Дионисиевича").

32. Ср.: Филиппов И. История... С.44-45.

33. Противник самосожжений Евфросин в своем "Отразительном писании" I69I г. неоднократно упоминает об Игнатии Соловецком.

См.: Евфросин. Отразительное писание о новоизобретенном пути самоубийственных смертей // ПДП. СПб., 1895. Т.108. С.25-28, 37, 69, 71, 73, 76-77.

34. Подробнее см.: Юхименко Е.М. Новые материалы о начале Выговской пустыни // ТОДРЛ. СПб., 1994. Т.47 (в печати).

35. Филиппов И. История... С.37-42.

36. РГАДА. Ф.125. Оп.I. 1670 г. № 5. Л.41-42.

37. РГАДА. Ф.125. Оп.I. 1669 г. № 5. Л.21, 18-19 (названы Герман Коровка, Михайло Корова и Тихон Коровка).

38. Там же. Л.99.

39. Барсов Е.В. Новые материалы для истории старообрядства ХУП-ХУШ вв. М., 1890. С.83, 96, 104.

40. Филиппов И. История... С.124. Варлаам Быков, келейник Германа и один из организаторов второй Палеостровской "гари", стал позднее духовным отцом Даниила Викулина и Андрея Денисова. О нем см.: Там же. С. 85,124-126.

41. Там же. С,124-125.

42. Пыпин А.Н. Сводный старообрядческий Синодик. СПб., 1883. С.24,34-35 (ОЛДП. Т.44).

43. Филиппов И. История... С.42,59. См. также: БАН. Друж. 605(641). Л.5 (предисловие к выпискам из челобитной Игнатия).

44. РГАДА. Ф.163. № 10а. Л.I.

45. РГАДА. Ф.159. Оп.3. № 4816. Л.41.

46. Акты исторические. СПб., 1842. Т.5. С.260.

47. РГАДА. Ф.159. Оп.3. № 4816. Л.14.

48. Евфросин. Отразительное писание... С.27,32.

49. РГАДА. Ф.125. Оп.I. 1669 г. № 5. Л.19 ("из рядовой братьи чернцы... Иосиф пономарь").

50. Там же. Л.99 ("старец Иосиф").

51. РГАДА. Ф.137. Оп.I. № 3(Сумский острог). Л.7 ("чернец

Иосиф").

52. См.: Барсов Е.В. Новые материалы... С.104.

53. Филиппов И. История... С. 45. Игнатию в видении было явлено четыре корабля - его собственный и соловецких отцов Пимена, Германа и Иосифа, что символизировало четыре крупнейших самосожжения (См.: Там же. С.46).

54. Филиппов И. История... С.65-66.

55. Евфросин. Отразительное писание... С.81-82.

56. См.: Юхименко Е.М. Каргопольские "гари" 1683-1684 гг. (к проблеме самосожжений в русском старообрядчестве) // Старообрядчество в России (XVII-XVIII вв.). М., 1994 (в печати). В приложении к статье публикуются основные документы найденного дела.

57. РГАДА. Ф.159. Оп.3. № 2129. Л.120.

58. Там же. Л.42.

59. Там же. Л.120, 123.

60. РГАДА. Ф.163. № 7а. Л.80.

61. Там же. Л.82-83.

62. Филиппов И. История... С.62-63.

63. Там же. С.62-63.

64. Там же. С.63.

65. Акты исторические. Т.5. С.388-389.

66. См.: Там же. С.386,389.

67. Филиппов И. История... С.27-37,46,81-82,276.

68. Гурьянова Н.С. "Житие" Ивана Филиппова // Христианство и церковь в России феодального периода (материалы). Новосибирск, 1989. С.234.

69. Там же. С.235-236.

70. Там же. С.236.

71. Там же.

72. Там же. С.237.

73. Там же. С.236-237.

74. ИС: "И дважды по оклеветанию некиих от заказщиков в принуждение принятия новин пойман и, вязанием и руганием и темницами томлен, не покорися, паки свобождашеся" (с.187). Вполне возможно, что эти сведения соотносятся с рассказом "Жития" о темничном мучении Евфимия, отнесенном к более раннему времени (сразу после взятия Соловецкого монастыря).

75. Гурьянова.Н.С. "Житие" Ивана Филиппова. С.238-239.

76. Там же. С.239.

77. Известный путешественник и этнограф С.В.Максимов с рассказом ИС связывал существование на острове Великий старообрядческого скита (Максимов С.В. Год на Севере. СПб., 1859. Т.I. С.284). Наличие здесь старообрядческого поселения отмечалось и в конце XIX в. (Островский Д.Н. Путеводитель по Северу России. СПб., 1898. С.77).

78. РГАДА. Ф.27. № 538. Л.37. См. также: Там же. Л.12; Материалы... Т.3. С.47-66, 74, 177.

79. РГАДА. Ф.27. № 538. Л.42.

80. Материалы... Т.3. С.82-83, 88-89.

81. РГАДА. Ф.27. № 538. Л.18, 23.

82. Материалы... Т.3. С.198.

83. Барсков Я.Л. Памятники первых лет русского старообрядчества // ЛЗАК, 1911 г. СПб., 1912. Вып.24. С.290; Чумичева О.В. Новые материалы по истории Соловецкого восстания (1666-1671 гг.) // Публицистика и исторические сочинения периода феодализма. Новосибирск, 1989. С.60.

84. РГБ. Ф.98. № 1137. Л.262-263. Автор "Краткого сказания" говорит, что к Москве было взято четверо старцев, причем Геннадий был обретен "в селе, нарицаемем Кеми, для управления вотчинных монастырских дел сущаго" (Там же. Л.263).

85. Там же. Л.263-265. Заточение Геннадия Качалова в Москве подтверждается еще одним старообрядческим памятником, принадлежащим перу Ивана Антонова - "Воспоминанием о труде и страдании... Генадия Боровского" (см.: РГБ. Ф.98. № 1947. Л.49, 51 об.). Согласно документальным источникам (опубл.: ДАИ. Т.12. С.412-413), Геннадий Качалов был пойман в начале 1683 г. и заключен в Троицкий Клопский монастырь (в 15 верстах от Новгорода), а не в Духов монастырь. Очень скоро Геннадий бежал из заключения: 3 июля 1683 г. его уже разыскивали. На Выг Геннадий пришел в 1690-1691 гг. Подробнее об этом см.: Смирнов П.С. Внутренние вопросы в расколе в XVII в. СПб., 1898. С.XII-XIII.

86. РГБ.Ф.98. № 1137. Л.265-265 об.

87. Там же. Л.268.

88. Филиппов И. История... С.120.

89. РГБ. Ф.98. № 1137. Л.271.

90. Дружинин В.Г. Писания русских старообрядцев. СПб., 1912. С.81, № 1.

91. Этот памятник, не вошедший в указатель В.Г.Дружинина, известен в списке 10-х гг. XIX в. (РГБ. Ф.98. № 1968. Л.48-58 об.). Во вступлении говорится: "...любовию отеческою движими суще, собрахомся днесь на сию успововосприемную гору поминовения его ради..." (л.48 об.). За основной частью, представляющей собой переработку "Краткого сказания", следует заключение - обращение к отцу Геннадию ("приступим ко гробу отца нашего и, падше, возопием..." - л.56 об.).

92. Дружинин В.Г. Писания русских старообрядцев. С.81-82, №№ 2-3.

93. Филиппов И. История... С.85-86, 120-121, 216.